

УДК 327(73)+94(470.43):(045)

**САМАРА В ОЦЕНКАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

Буранок С.О.

В статье исследуется специфика формирования образа российской провинции на примере Самары в американском информационном дискурсе конца XIX – начала XX вв. Автор обосновывает актуальность темы тем, что сложившиеся в этот период стереотипы об «отсталости» и тяжелых бытовых условиях жизни стали частью американской социальной мифологии и влияют на современные информационные процессы. Для решения проблемы вводится новый методологический концепт «воображаемый регион», позволяющий проследить эволюцию образа в динамике на длительном историческом отрезке.

Ключевые слова: Самара, периодическая печать США, информационный дискурс, общественное мнение, русская революция.

**SAMARA AS ASSESSED BY THE US PERIODICAL PRESS
AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES**

Buranok S.O.

This article examines the specific features of the formation of the image of the Russian provinces with Samara as a case study in the now-vanished information discourse of the late 19th and early 20th centuries. The author justifies the relevance of this topic by demonstrating that the stereotypes of “backwardness” and harsh living conditions that became a part of American social mythology and continue to shape contemporary information processes. To address this problem, the study introduces a new methodological concept, the «imagined region», which makes it possible to trace the evolution of this image over a long historical period.

Keywords: Samara, US periodical press, information discourse, public opinion, Russian Revolution.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20005.

Изучение оценок города Самары, которые сложились в американском информационном дискурсе важно для понимания специфики восприятия российской провинции в США. Образ провинциальной России использовался в США в XIX – начале XX вв. для актуализации тезисов об «отсталости», архаичном социально-экономическом развитии, тяжелых природных и бытовых условиях жизни местного населения. Данные тезисы, зародившиеся в указанный период, перешли в публикации рассматриваемого периода, став частью американской социальной мифологии. Следовательно, требуется всестороннее изучение особенностей создания и функционирования образа Самары в условиях и конкретно-исторической обстановке для понимания некоторых аспектов протекания современных информационных процессов в обществе США. Значимость решения данной проблемы заключается в расширении научных представлений о роли Самары в процессе формирования образа России в США как «значимого Другого».

Изучение периодической печати США позволит определить более широкий набор моделей восприятия Самары, чем анализ только мнения экспертного сообщества и дипломатического корпуса, а главное, даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах во взаимоотношения с региональными центрами России, особенно в период общенациональных кризисов. В работе использован новый методологический концепт – «воображаемый регион» (на примере Самары), который еще не применялся к изучению процесса формирования образа России в США. Если концепты «воображаемая география» и «воображаемое сообщество» стали уже классическими в исторической имагологии, то «воображаемый регион» – новый, позволяющий увидеть процесс эволюции образа в динамике на длительном историческом периоде и обладающий принципиально иными содержательными характеристиками.

Опираясь на данные методы, важно показать специфику эволюции образа Самары как одного из элементов общественно-политической жизни США, влияющего не только отношение к России и российской провинции, но и к революции.

Первый интерес к Самаре в американской периодической печати появляется во второй половине XIX в. И новости, которые публиковались в американских газетах того времени касались бедствий и пожаров [3, р. 1]. «The Daily Crescent» сообщала, что в августе 1850 г. Самара «превращена в руины сильным пожаром» [5, р. 2]. А газета «Burlington Free Press» уточняла, что Самара – это «административный центр Симбирска» [1, р. 2].

Кроме пожаров, американскую общественность интересовали болезни и средства борьбы с ними. «The Nevada Journal» сообщала в 1858 г.: «Средство от чахотки. В последнее время в России были достигнуты поразительные результаты в лечении этого смертельного недуга. Впрочем, этот метод не является ни российским изобретением, ни новинкой. Татары, населяющие восточные регионы европейской части России, издавна употребляют особый напиток под названием «кумыс», который готовят из кобыльего молока. Одно из ценных свойств кумыса – способность излечивать болезни легких. Российские врачи недавно переняли этот опыт у татар, и результаты проведенных испытаний превзошли все ожидания. Американская периодика сообщала, что доктор Постников открыл в Самаре лечебницу, поставив своей целью сделать это открытие максимально полезным для людей» [8, р. 2].

После начала Великих реформ 1860-х гг. Самара все чаще попадает на страницы газет США как новый транспортный узел: «Генерал Крыжановский, генерал-губернатор Оренбурга, только что учредил в столице своей области муниципальный комитет для рассмотрения вопроса о создании железнодорожного сообщения между этим городом и Самарой, одним из главных портов на Волге. После строительства этой железной дороги будет практически непрерывная линия сообщения между центральными провинциями России и Туркестаном, единственный разрыв будет в степи на

восточном берегу Каспийского моря и составит чуть менее 500 миль» [9, р. 1]. Это – одно из самых первых более детальных сведений о Самаре в американской периодической печати. Город представлен как действующий важный порт и в будущем – новый железнодорожный центр на рубежах азиатской и европейской части России.

До конца XIX в. Самара попадала в новостные сообщения американских газет в связи с эпидемиями и голодом: «В некоторых районах России эпидемия тифа. В Тамбоффе регистрируются лишь спорадические случаи, в то время как в некоторых районах Самары и Казани обитатели каждого второго дома лежат ничком. В Бузулукском районе, где ситуация наиболее плачевна, проживает 80 тысяч человек, и там всего один врач. В нескольких районах смертность достигла пятидесяти процентов, что выше нормы, а в некоторых местах смертность увеличилась на несколько процентов. Не рассматривая различные провинции подробно, Самару можно считать типичной для всех. Самара вдвое меньше Пруссии. Один из семи ее округов по размерам равен Голландии. Общая численность населения провинции по переписи 1888 года составляла 2 264 384 человека. Официальные отчеты показывают, что 1 368 000 человек, или почти две трети всех, находятся в абсолютной нищете и полностью зависят от помощи. Из этого числа только 964 500 получают помощь от земств или окружных советов» [4, р. 546-550]. Дополняют, создаваемую периодической печатью США картину, сообщения о чуме и новых «загадочных болезнях» в Самаре [2, р. 1756].

Издание «The Evening Bulletin» (Кентукки) сообщало о кризисе в более мрачных тонах: «Из Самарской области приходят душераздирающие истории. Крестьяне настолько истощены голодом и нуждой, что многие из них не могут даже добраться до правительственных пунктов раздачи продовольствия. В одной деревне погибло 42 человека, а число погибших во всей области составит не менее тысячи. В большинстве случаев выжившие слишком слабы, чтобы хоронить останки» [7, р. 4]. А в декабре 1891 г. «The Evening Bulletin», ссылаясь на сообщения из Самары, пишет о терроре против «кулаков» на фоне

масштабного голода: «Известно, что кулаки во многих случаях вступают в сговор с чиновниками, которые вымогают у них непомерные проценты. Одним из последствий голода стало то, что русские стали пренебрегать глубоким уважением, которым до сих пор пользовалась власть в России, и несколько местных землевладельцев оказались среди жертв недавних терактов» [6, p. 4].

Издание из штата Юта «The Salt Lake Herald» напечатало большой репортаж собственного корреспондента в Поволжье: «Сейчас я нахожусь в самом сердце наиболее голодных районов России. Я отбыл из Москвы и проехал сотни миль по голодной территории, направляясь к Волге. Страшные голод и болезни в Казани и Нижнем, которые я посетил по пути в Самару. В одиночку пробираюсь к великой реке. Сегодня миллионы людей зависят от поставок, которые они получают от благотворительных организаций. Большая часть американской кукурузы и муки поступала в Самару. Насколько мне известно, все американские подарки были распределены разумно и добросовестно. В Самаре власти не давали кукурузу людям, которые не находились в состоянии голода» [13, p. 9].

Из материалов американских газет конца XIX в. о восприятии Самары в США складывается следующая картина:

Во-первых, американская периодическая печать воспринимала регион не просто как пострадавший город, а как эпицентр одного из самых страшных бедствий того времени. Для американского читателя Самара была географическим символом массового голода 1891-1892 гг.

Во-вторых, формировался образ гуманитарной катастрофы. Газеты конструировали картину крайней нужды и страдания населения Самары. Описание крестьян, которые настолько обессилели от голода, что не могут дойти до пунктов раздачи еды, или деревень, где выжившие слишком слабы, чтобы хоронить мертвых (42 погибших в одном селе), создавало у американской аудитории образ территории тотального вымирания. Оценка числа жертв во всей области («не менее тысячи») подчеркивала неконтролируемый характер трагедии.

В-третьих, акцент на американскую помощь и признание ее эффективности. Репортаж корреспондента из Юты содержит важный нюанс восприятия самарских властей. С одной стороны, американцы видели колоссальный масштаб зависимости региона от внешней поддержки («миллионы людей зависят от поставок», американские кукуруза и мука). С другой стороны, автор репортажа подчеркивает компетентность распределения этой помощи благотворительными организациями и местными чиновниками. Тот факт, что в Самаре еду не давали тем, кто не находился в состоянии голода, транслировал американскому читателю положительный образ местной администрации.

В целом, американские газеты конструировали сложный образ Самары: это место «страданий» и краха привычного уклада жизни, которое одновременно служит примером того, как американская продовольственная помощь может эффективно спасать миллионы жизней.

Новые черты Самары появились в революционный период 1905-1907 гг. Так, 6 июля 1905 г. газета «The New York Times» на первой полосе поместила статью: «Полученные сегодня из Самары донесения сообщают о том, что два полка, дислоцированные в этой важной столице провинции, подняли мятеж и выдвинули ряд политических требований. Офицеры пообещали удовлетворить некоторые требования, если мятежники вернутся к исполнению обязанностей, но солдаты ответили, что их устроит только выполнение всех их требований. Мятежники по-прежнему контролируют ситуацию, но не прибегают к эксцессам. Ситуация осложняется тем, что в Самаре революционеры продвигают движение за провозглашение республики в случае объявления всеобщей забастовки и могут воспользоваться нынешней возможностью для достижения своих целей» [10, p. 1].

А 9 июля это же издание сообщало: «Мужики вынуждены силой брать еду, чтобы спасти свою жизнь. Беспорядки усиливаются. Корреспондент "Associated Press" только что завершил поездку по Самарской и Саратовской областям. Он сообщает, что засуха наконец-то закончилась, но дожди пришли

слишком поздно, чтобы спасти урожай и помочь крестьянам, которые находятся в плачевном положении. Их скот либо продан, либо голодает на полях. Государственные зернохранилища были опустошены во время прошлогоднего голода. Нынешние аграрные беспорядки, которые, как можно ожидать, будут неуклонно усугубляться, во многом обусловлены необходимостью для крестьян грабить продовольствие и корма, чтобы сохранить себе жизнь и спасти от голода оставшийся скот» [11, р. 5].

В феврале 1907 сотрудник агентства «Associated Press» посетил Поволжье и отметил: «ехали на санях по районам, удаленным от железных дорог, где бедствие наиболее острое. Население повсюду оказалось полностью зависимым от внешней помощи. Сегодня в Нью-Йорке будет сформирован комитет с целью сбора крупной суммы для помощи русским крестьянам. Выступит Николай Шишков из Самары (Россия), член Совета империи во времена существования недавней Думы и один из первых либеральных лидеров наследственного дворянства. Он опишет условия в районах, пострадавших от голода, и предложит способ безопасного размещения собранных в стране средств там, где они наиболее необходимы» [12, р. 3].

Таким образом, восприятие Самары в американских газетах в период 1905-1907 гг. кардинально изменилось по сравнению с освещением голода 1891 г. Если ранее регион воспринимался преимущественно как пассивная жертва стихии и бюрократии, то теперь американские издания формируют образ очага политической нестабильности и активного социального протеста.

Это видно по следующим ключевым тезисам:

Во-первых, Самара как политический центр революции. В отличие от репортажей конца XIX в., где Самара была лишь одной из точек на карте голодавшего Поволжья, издание «The New York Times» называет город «важной столицей провинции». Самара перестает быть просто географическим понятием и получает в американской периодической печати статус значимого военно-административного центра.

Во-вторых, образ утраты государственного контроля. Ситуация, когда солдаты контролируют город, выдвигают политические требования (вплоть до провозглашения республики) и отказываются подчиняться офицерам без выполнения всех условий, транслирует американской аудитории картину распада императорской власти в России. Это подкрепляется сообщениями о продвижении революционерами республиканских идей.

В-третьих, голод в репортажах и трактовках американских журналистов приобрел новое значение как катализатор политического насилия. Американские редакторы и обозреватели четко связывали социальные потрясения с экономическим крахом. Сообщение о том, что «мужики» вынуждены силой брать еду, показывает эволюцию восприятия крестьянства. Из жертв (в оценке американских журналистов) они превращаются в активных участников беспорядков.

В целом, американские газеты периода Первой русской революции формировали образ Самары как важной линии глобальных революционных перемен в России. Поволжье предстает точкой пересечения глубокого аграрного бедствия, военного неповиновения и зарождающейся парламентской политики, требующей пристального внимания и оценки, со стороны «общества наблюдателя» в лице США.

Список литературы:

1. Burlington Free Press. 1850. August 16. P. 2.
2. Herbert H.D. Further concerning a mysterious disease in Samara // Public Health Reports. 1899. Vol. 41. P. 1756.
3. New-York Daily Tribune. 1850. August 15. P. 1.
4. Smith C. The Famine in Russia // The North American Review. 1892. Vol. 426. P. 546-550.
5. The Daily Crescent. 1850. August 21. P. 2.
6. The Evening Bulletin. 1891. December 2. P. 4.
7. The Evening Bulletin. 1891. November 3. P. 4.

8. The Nevada Journal. 1858. September 10. P. 2.
9. The New York Times. 1865. September 18. P. 1.
10. The New York Times. 1906. July 6. P. 1.
11. The New York Times. 1906. July 9. P. 5.
12. The New York Times. 1907. February 20. P. 3.
13. The Salt Lake Herald. 1892. August 7. P. 9.

Сведения об авторе:

Буранок Сергей Олегович – доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

Data about the author:

Buranok Sergey Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research of Samara State Social and Pedagogical University (Samara, Russia).

E-mail: s.buranok@pgsga.ru.